

УДК 94(47)303.4

Л. В. Лямцева, Л. А. Максимова

К ВОПРОСУ ОБ ЭНДОГЕННЫХ И ЭКЗОГЕННЫХ ФАКТОРАХ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Рассматриваются в динамике различные научные мнения по вопросам соотношения эндогенных и экзогенных факторов в определении отечественной модели модернизации. Авторы ставят вопрос об актуальности поиска оптимума в выборе между универсальными и уникальными чертами для построения более продуктивной модели модернизации.

This paper considers the dynamics of different scientific opinions on the correlation between endogenous and exogenous factors in the choice of national modernization model. The authors formulate the question about the urgency of searching for the optimum in the choice between general and unique features for the construction of a more efficient modernization model.

Ключевые слова: модернизация, экзогенные и эндогенные факторы, постзападный путь транзита, варианты модернизации, вестернизация.

Key words: modernization, exogenous and endogenous factors, post-Western transit way, modernization options, westernization.

Проблема соотношения внешнего и внутреннего факторов в развитии российской модернизации и поиски оптимума имеют непреходящую актуальность и оказались особенно важными в современных условиях, так как дефиниция «модернизация» превратилась в одну из имиджевых характеристик современной российской власти. Однако однозначного решения проблемы пока еще нет.

На протяжении первой половины 1990-х гг. в отечественной науке и практике господствовала парадигма «догоняющей модернизации». Этот подход выделял приоритет внешних сторон или условий модернизации за счет «бесперспективности» внутреннего фактора. Нередко отмечалось, что одной из особенностей российской модернизации является внешний импульс ее развития, связанный с использованием зарубежного опыта [12, с. 3; 1]. Главными были идеи отнесения России к неорганической (вторичной) модели модернизации, основанной на догоняющем развитии, о консервативной революции в экономике страны в начале XX в., о мобилизационной экономике и милитаристских методах модернизации.

В центре внимания оказались отрицательные с точки зрения модернизации черты российского общества и общественного сознания. К числу факторов, блокировавших модернизационный процесс в стране, относили: отсутствие устойчивой традиции «рациональности мышления» (в западном смысле), тягу к уравнительности, православие (как интенсивная форма коллективного сознания), неограниченное самодержавие, общинный коммунизм, экстенсивное развитие или колониализацию [11, с. 9]. В то же время вне поля зрения исследователей оставались черты, которые могли бы соответствовать обновлению.

Вестернизация применительно к России понималась как заимствование западных экономических и политических моделей развития.

Известно, что исследования модернизации на локальном уровне не всегда подтверждают мнение о преимущественном влиянии внешнего фактора. В частности, В. А. Козлов показывает, что при признании важного значения теории и практики западноевропейской аграрной модернизации, усовершенствование аграрного строя Центральной России конца XVII — начала XX в. было прежде всего результатом его внутренней эволюции, постепенного втягивания как крестьянского, так и помещичьего хозяйства в товарно-денежные буржуазные отношения и утверждения инициативных начал в сознании и повседневной практике сельского населения [5, с. 32].

Следует отметить, что уже в первой половине 1990-х гг. выдвигались предложения о необходимости преодоления технократических комплексов и уяснения духовно-гуманитарных основ современной цивилизации, относящихся не к внешней среде, а к внутренней, касающейся психологии самого человека (А. С. Панарин, С. Я. Матвеева) [12, с. 24, 31 — 32].

А. С. Панарин утверждал, что Россия остается едва ли не единственной страной, где модернизацию отождествляют с вестернизацией, уподоблением «единственному и непогрешимому» образцу. Не принимаются во внимание варианты модернистской теории, связанные с открытием разнообразных, в том числе смешанных, вариантов, дающих, как показывает опыт тихоокеанских стран, лучшие результаты [12, с. 34].

Действительно, к 1990-м гг. в зарубежной историографии произошла определенная эволюция в трактовке процесса модернизации. Первоначально она рассматривалась как вестернизация или европеизация, так как начиналась в Европе и распространялась в других странах. Однако уже с 60-х гг. XX в. усилилась критика однолинейной и западно-центристской модели модернизации. Это было реакцией на опыт неудачного применения классической теории модернизации в странах постколониального развития, который поставил под сомнение саму правильность данной теории. В частности, Ш. Айзенштадт говорил «о существенном институциональном разнообразии современных и модернизирующихся обществ», поставив вопрос о важности сохранения национальных социокультурных традиций. М. Леви критиковал «догоняющее» развитие, считая зависимость от Запада фактором консервации отсталости. С. Хантингтон скептически оценивал саму возможность «прививания» западного опыта «телу» традиционных обществ [10].

Переосмысление ранних представлений о модернизации послужило основой для создания ее многовариантных и многофакторных теорий. В новой интерпретации она стала считаться множественной, обратимой, а также частичной «парциальной» модернизацией [2, с. 18 — 20].

Э. А. Паин сравнил сложившуюся в 1980 — 1990-х гг. теорию неомодернизма с классической версией теории модернизации. Наибольшее значение для исследуемой проблемы имеют те черты неомодернизма, которые в отличие от классических концепций модернизации, акцентировавших ее эндогенные, имманентные факторы, обращают внимание на роль экзогенных факторов, геополитических и экономических условий развития стран мира [8, с. 40].

Вместе с тем вызывает возражение предложенная А. С. Панариным концепция двух типов ментальностей — западной (европейской) и восточной (евразийской). Исследователь полагает, что особенности этих сознаний принципиально различны и развиваются не пересекаясь, как параллельные миры. Европейский менталитет, в понимании А. С. Панарина, эволюционный, темпоральный, т. е. зависимый от исторического времени. Он устремлен в будущее, ориентирован на достижения и мобильность, поэтому соответствует прогрессивному мышлению (опередил — отстал). Евразийский же менталитет больше пространственный и горизонтальный, он обуславливает неспешность евразийских народов, их склонность к патернализму и жизни в империях [9, с. 128 — 140].

Данная концепция не соответствует современным тенденциям мирового развития и характеризуется абсолютизацией культурных традиций.

После крушения горбачевской перестройки в российском обществе развернулись дебаты о возможности и желательности использования китайской модели модернизации. Одна часть исследователей доказывала, что именно освоение китайского опыта начиная уже с 1985 г. обеспечило бы оптимальное развитие модернизации в СССР. Другая часть утверждала, что он неприменим к России, находящейся на более высокой стадии социально-экономического развития, а к тому же игнорирование Китаем политической демократизации рано или поздно заведет там рыночные отношения в тупик. Китайский пример не был принят в расчет не только Горбачевым и его окружением, но и советским обществом в целом. Главная причина заключалась в том, что Китай продолжал рассматриваться как экономически отсталое и политически ущербное по сравнению с Советским Союзом государство, эксперименты которого с рыночными отношениями и смешанной экономикой годились разве что для стран третьего мира. СССР хотел совершить модернизацию по западной, а не по китайской модели, и радикалы вняли его гласу [13, с. 9].

Как отмечает В. Л. Шейнис, миф о благодетельности китайского пути, будто бы упущенной в годы перестройки возможности модернизировать Россию по китайскому образцу, имеет хождение и в настоящее время [19, с. 8].

Неудачи модернизационных реформ в России вызвали критику теории модернизации. К числу ее недостатков стали относить резкое противопоставление традиции и современности, излишне жесткую связь факторов, которые подлежат трансформации при переходе от традиционного общества к современному, отсутствие интереса к положению низов, которые могут оказаться жертвами модернизации. Можно согласиться с аргументацией В. Г. Федотовой относительно неправомерности подобного рода критики. Во-первых, теория модернизации — это всего лишь теория, а не идеология; во-вторых, традиционное и современное общества рассматриваются в ней как идеальные типы. С повседневной точки зрения, никакого противопоставления «традиция — инновация» не существует: в любом обществе они есть. Не сама теория, а элита стран, решившихся на модернизацию, должна определять ее цену и взять на себя этическую и политическую ответственность за тех, кто пострадает в ходе этого процесса [16, с. 6 — 7].

Во второй половине 1990-х гг. активизировались споры о культурной обусловленности институциональных перемен. Культурологи, интерпретирующие общественные процессы в широком культурном контексте, именно различиями культурного характера объясняют расхождения в экономическом и политическом опыте модернизации на национальном и субнациональном уровне [14, с. 6].

Сторонники теории социокультурной самобытности России полагают, что устройство российской государственности и общественной жизни возможно на традиционной духовно-культурной основе русско-православной цивилизации [6, с. 156]. Из-за ярко выраженного антизападного пафоса теории социально-культурной самобытности часто относят к антимодернизационным.

Западничество, антизападничество, евразийство обычно представляют три главных модели геостратегического выбора. Более привлекательной считается четвертая модель (интеграционная) или «стратегия вовлечения России в глобализирующийся мир». Суть этой модели: страна не станет западной, но не должна быть и антизападом или островом в мировом океане. Она должна сконцентрироваться на задачах национального возрождения, не допуская самоизоляции [18, с. 46].

Идет процесс формирования новой «понятийной сетки». В политический словарь модернизации включается понятие «постзападный путь транзита». Последний представляет собой сплав восточных и западных ценностей в поисках ответа на вызовы глобального характера. Задача транзита государств, желающих занять достойное место в мировом сообществе, состоит в формировании такой траектории трансформационных связей в социуме, которая обеспечит оптимальное, с учетом национально-страновой специфики, вхождение в коридор постзападного цивилизационного развития [7, с. 102].

В условиях современного кризиса вновь остро встала проблема социокультурной модернизации. Как отмечает Н.Г. Тихонова, в ходе активно идущих сейчас дебатов муссируется тезис о том, что Россия — особая цивилизация, которая развивается своим путем [15, с. 6].

Небезынтересным представляется мнение А.Г. Глинчиковой, пишущей, что в последнее время все чаще возникает вопрос — неужели мы должны отказаться от ценности национальной культуры или даже от национальной культуры как таковой для обеспечения процессов модернизации? Как говорит исследовательница, данные предложения аргументируются тезисом о том, что русская культура содержит много таких ценностей, которые мешают, отторгают основополагающие принципы социальных отношений, связанных с модернизацией. Поэтому необходимо расчистить духовное пространство России для принятия общественным сознанием ценностей тех культур, которые продемонстрировали свою «эффективность в поддержке и обеспечении инновационных и модернизационных процессов» [3, с. 54]. Можно согласиться с мыслью А.Г. Глинчиковой о том, что альтернатива — национальная культура или модернизация — представляет собой псевдилемму. Формирование ценностей модерна при благоприятных обстоятельствах рано или поздно ведет к формированию его социальных и политических отношений, а не наоборот, потому что ценности мо-

дерна особые — это ценности индивидуализированного общества, т.е. главной среди них является ценность индивидуальности, неповторимости, аутентичности и самостоятельности общественного и личного выбора. А это значит, заключает автор, что ценности модерна невозможно перенять, как невозможно их навязать извне, сверху, насильственно [3, с. 54].

Плюрализм взглядов на модернизацию находит отражение и в практике. В современной России существует множество вариантов соответствующих программ — консервативная, представленная «Единой Россией», либеральная с несколькими подходами:

1) сторонники спонтанной модернизации, но только в сфере экономики (это прежде всего министры экономического блока, бывший министр финансов А. Л. Кудрин);

2) сторонники «идеологизированной» либеральной модернизации, имеющие определенное влияние в обществе, особенно в кругах либералов-западников;

3) сторонники модернизации на основе знаний, опыта и здравого смысла — на таких позициях стоит академическая наука [4, с. 51].

Православная церковь также представила собственный вариант модернизации. Проект патриарха Кирилла заключается в возрождении традиционных основ для модернизации. Но при этом идеи, которые могли бы быть двигателем перемен, пока не выработано [17, с. 73].

«Многоликость» российской модернизации, на наш взгляд, свидетельствует о том, что пока еще отсутствует сбалансированный вариант решения проблемы соотношения эндогенных и экзогенных факторов. Вследствие этого весьма важным представляется дальнейший поиск оптимума между универсальными чертами модернизации и культурными традициями нации. Проблема приобретает не только особую научную, но и политическую актуальность в условиях выбора стратегии страны. От сообщества ученых сложившаяся ситуация требует организации продуктивного диалога между представителями различных взглядов на модернизацию, расширения коммуникативных междисциплинарных связей.

Список источников и литературы

1. Алексеев В. В., Побережников И. В. Опыт российских модернизаций XVIII—XX вв. М., 2002.
2. Бокарев Ю. П. Теории модернизации и экономическое развитие // Вестник РГГУ. 2009. Серия Экономика. №3. С. 14—25.
3. Глинчикова А. Г. Демократическая модернизация и национальная культура // Полис. 2010. №6. С. 54—67.
4. Кива А. В. Многоликость российской модернизации // Общественные науки и современность. 2011. №1. С. 42—51.
5. Козлов С. А. Аграрная модернизация Центрально-нечерноземной России в конце XVII — начале XX вв. (основные этапы) // Отечественная история. 2004. №2. С. 20—33.
6. Кулинченко В. А., Кулинченко А. В. О духовно-культурных основах модернизации России // Полис. 2003. №2. С. 150—156.
7. Нисневич Ю. А. Проблемы транзита в условиях постиндустриального развития // Вестник МГУ. 2002. Серия 12. Политические науки. №3. С. 94—104.

8. Паин Э.А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Исторические науки и современность. 2009. №6. С. 37–54.
9. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2001.
10. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.
11. Поляков Л. В. Методология исследования российской модернизации // Полис. 1997. №3. С. 5–15.
12. Российская модернизация. Проблемы и перспективы. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1993. №7. С. 3–39.
13. Согрин В. В. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопросы философии. 1994. №11. С. 3–18.
14. Семенов И. С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полис. 2003. №1. С. 5–23.
15. Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа) // Общественные науки и современность. 2008. №2. С. 5–23.
16. Федотова В. Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. №12. С. 3–21.
17. Чимириц Е. С., Донцов С. П. Церковь и модернизация в России: в поиске новых ценностных основ // Полис. 2010. №6. С. 68–75.
18. Шаронов Р. П. Либерально-демократическая концепция внешне-политического выбора России в условиях глобализации // Вестник МГУ. 2004. Серия 18. №2. С. 46.
19. Шейнис В. Л. Экономический кризис и вызовы модернизации // Мировая экономика и международные отношения. 2009. №9. С. 3–11.

Об авторах

Людмила Васильевна Лямцева — канд. ист. наук, доц., Сыктывкарский государственный университет.

E-mail: lmaks441@rambler.ru

Любовь Анатольевна Максимова — канд. ист. наук, доц., Сыктывкарский государственный университет.

E-mail: lmaks@syktsu.ru

About authors

Dr Lyudmila Lyamtseva, Associate Professor, Syktyvkar State University.

E-mail: lmaks441@rambler.ru

Dr Lyubov Maksimova, Associate Professor, Syktyvkar State University.

E-mail: lmaks@syktsu.ru